

УДК 347.44:340.5

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ: ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ И ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

Л. В. ЦАРЁВА¹⁾, А. А. КУПРЕЙЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются особенности эволюции принципа добросовестности в договорном праве Беларуси путем анализа процесса его становления и сравнения с подходами к закреплению и реализации данного принципа в зарубежных правовых системах и в международном контрактном праве. Делается вывод об отсутствии прямой зависимости между моделью нормативного закрепления принципа добросовестности и его реализацией в правоприменительной практике. Исследование показало, что реальное действие принципа добросовестности обеспечивается не столько буквальным формулировкой, сколько правовыми традициями того или иного правового порядка и судебным активизмом.

Ключевые слова: принцип добросовестности; договорное право; международное контрактное право; эстоппель.

GOOD FAITH IN CONTRACT LAW: FROM THE GENERAL TO THE PARTICULAR AND FROM THE PARTICULAR TO THE GENERAL

L. V. TSAROVA^a, A. A. KUPREYCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. V. Tsarova (tsareva@bsu.by)

The study aims to identify the specifics of the development of the principle of good faith in the contract law of Belarus by analysing its formation and comparing with the approaches to the consolidation and implementation of the principle in foreign jurisdictions and in international contract law. The article concludes that there is no direct correlation between the model of normative fixing of the good faith principle and its implementation in practice. The study has shown that the real effect of the principle of good faith is ensured not so much by its literal wording, as by the legal traditions of a particular legal order and judicial activism.

Keywords: principle of good faith; contract law; international contract law; estoppel.

Введение

Принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений легализован в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) как один из отраслевых принципов,

определяющих и регламентирующих гражданские отношения, и раскрыт через презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений^{1*}. Ни в общих положениях ГК, ни в общей части

^{1*}Согласно абзацу 8 ч. 2 ст. 2 ГК «добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное (принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений)».

Образец цитирования:

Царёва ЛВ, Купрейчик АА. Добросовестность в договорном праве: от общего к частному и от частного к общему. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;1:99–107.
<https://doi.org/10.33581/2520-2561-2023-1-99-107>

For citation:

Tsarova LV, Kupreychik AA. Good faith in contract law: from the general to the particular and from the particular to the general. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;1:99–107. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2561-2023-1-99-107>

Авторы:

Людмила Васильевна Царёва – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.
Александр Анатольевич Купрейчик – студент юридического факультета. Научный руководитель – Л. В. Царёва.

Authors:

Liudmila V. Tsarova, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.
tsareva@bsu.by
Alexander A. Kupreychik, student at the faculty of law.
kupresasha@gmail.com

обязательственного права принцип объективной добросовестности не формулируется, непосредственная ссылка на добросовестность стороны договора имеется лишь в нормах об отдельных видах договорных обязательств^{2*}.

Проект закона Республики Беларусь об изменении кодексов (далее – проект ГК) не изменяет порядок закрепления принципа добросовестности в ст. 2 ГК, однако вводит в общую часть договорного права новые положения, развивающие его. Новеллы устанавливают обязанность сторон договора действовать добросовестно при вступлении в переговоры о его заключении, в ходе их проведения и по их завершении (п. 2 ст. 404¹ ГК), обязанность стороны договора действовать добросовестно и разумно при осуществлении права на отказ от договора (исполнения договора) (п. 2 ст. 420¹ ГК), ограничение права

на оспаривание сделок в случаях, когда лицо, ссылающееся на недействительность сделки, действует недобросовестно (п. 4 ст. 167, п. 2 ст. 401¹ ГК), а также запрет требовать признания договора незаключенным, если заявление об этом с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений (п. 3 ст. 402 ГК).

Намерение законодателя развивать принцип добросовестности в договорном праве предопределяет интерес к проблематике его закрепления и реализации. Настоящее исследование нацелено на выявление особенностей развития данного феномена в Беларуси путем анализа его становления и сравнения с подходами к закреплению и реализации рассматриваемого принципа в зарубежных правовых системах и в международном контрактном праве.

Становление принципа добросовестности в гражданском праве Беларуси

Нормативное закрепление принципа добросовестности и разумности участников гражданских отношений среди основных начал гражданского законодательства произошло с принятием ГК в 1998 г.

За основу редакции нормы были взяты формулировки из Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.^{3*}, а также из Модельного гражданского кодекса для государств – участников СНГ 1994 г.^{4*} Они не декларировались в указанных актах в качестве принципов гражданского законодательства, а представляли собой нормы-презумпции, регулирующие вопросы осуществления гражданских прав. По сути, они устанавливали, что добросовестность действий участников гражданских правоотношений по общему правилу предполагается, поэтому не нуждается в доказывании, но это предположение может быть опровергнуто.

На недостатки формулировки принципа добросовестности в ГК в виде презумптивной нормы указывалось в доктрине [1, с. 146–147]. Следует согласиться с тем, что норма-презумпция работает как элемент механизма реализации принципа добросовестности при возникновении сомнений в субъективной добросовестности конкретных лиц в конкретной ситуации. Она выступает средством разрешения бремени

доказывания в гражданском процессе, позволяя не обосновывать свою добросовестность, переводя в случае подозрений эту обязанность на контрагента [2, с. 137].

Раскрытие в ГК принципа добросовестности через презумпцию с высокой степенью вероятности снижает потенциал его применения. Ведь принцип традиционно понимается как основа содержания всех гражданско-правовых норм, которой не присуще свойство опровержимости. Функционально принцип может быть непосредственно применен в случаях, когда в гражданском законодательстве не обнаружены нормы права, регулирующие соответствующие отношения, и когда, опираясь на данный принцип, можно решить конкретный спор [3, с. 29]. Действующая норма-презумпция едва ли позволяет использовать ее в такой роли.

Вместе с тем не стоит забывать, что ГК разрабатывался в период переосмысления советского права, где «официальная идеология полностью подмяла под себя право, рассматривая его в качестве одного из механизмов ускоренного строительства коммунизма»^{5*} и «принцип доброй совести был фактически заменен на принцип осуществления гражданских прав в соответствии с их социальным назначением»^{6*}. На фоне такого искаженного

^{2*} Например, в ст. 453, подп. 2 ч. 1 ст. 591, п. 3 ст. 647, п. 2 ст. 670, п. 2 ст. 673 ГК и др.

^{3*} В соответствии с п. 3 ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик «участники гражданских правоотношений предполагаются добросовестными, поскольку не доказано иное».

^{4*} Согласно п. 5 ст. 10 Модельного гражданского кодекса для государств – участников СНГ 1994 г. «в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права добросовестно и разумно, добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается».

^{5*} Крашенинников П. В. На перекрестке истории отечественного частного права [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/231484> (дата обращения: 17.01.2023).

^{6*} Согласно ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., который действовал на территории БССР, гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. В соответствии со ст. 5 Гражданского кодекса БССР 1964 г. гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма.

понимания добросовестности и роли частного права сам факт включения принципа добросовестности и разумности участников гражданских отношений в перечень основных начал гражданского законодательства, пусть и в форме нормы-презюмции, стоит признать прогрессивным шагом в развитии гражданского законодательства того периода.

Вопросы развития принципа добросовестности вошли в повестку сквозного комплексного пересмотра ГК, который ведется с 2018 г. Уже первый вариант изменений, представленный на публичное обсуждение^{7*}, включал нормы, направленные на развитие принципа добросовестности и имплементацию правил эстоппеля. Они сохранились во всех последующих редакциях и содержатся в проекте ГК, принятом во втором чтении Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в конце 2022 г. Последнее дает веские основания полагать, что в скором будущем в договорном праве произойдет нормативное усиление принципа добросовестности и появится дополнительный импульс для обращения к данной категории в правоприменительной практике.

В первую очередь речь идет о спорах, связанных с признанием договоров недействительными. В новой редакции ст. 167 ГК содержится общее правило о том, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на нее лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после совершения сделки давало основание другим лицам полагаться на ее действительность.

Статья 401¹ проекта ГК регулирует частный случай такой ситуации. Согласно предлагаемой редакции сторона, которая приняла от другой стороны исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать установления факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству, и применения последствий его недействительности либо признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 174, 179 и 180 ГК, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с ее заведомо недобросовестными действиями.

Общие положения о заключении договора (ст. 402 ГК) планируется дополнить правилом о запрете требования признать незаключенным договор, связанный с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений (например, когда сторона приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердила действие такого договора).

Существенное значение придается категории добросовестности на стадии ведения переговоров о заключении договора. В ст. 404¹ проекта ГК не только прямо закрепляется обязанность сторон действовать добросовестно при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении, но и приводятся частные случаи недобросовестных действий при проведении переговоров. Таковыми, например, считаются предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны; внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, когда другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. В случае принятия проекта ГК нормативное закрепление получит институт соглашения о порядке ведения переговоров, который, помимо прочего, может конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров.

Обязанность стороны, осуществляющей право на отказ от договора (исполнения договора), действовать добросовестно и разумно прямо устанавливается в п. 2 ст. 420¹ проекта ГК.

На фоне неохотного применения ст. 2 и 9 ГК для защиты имущественных прав и интересов участников имущественного оборота белорусскими судами, в том числе и судами, рассматривающими экономические споры^{8*}, с учетом характерного для белорусского правоприменения позитивизма инициативы проекта ГК по нормативному закреплению частных случаев возможного обращения к принципу добросовестности в договорных отношениях вселяют оптимизм по поводу «оживления» этого принципа.

Опыт зарубежных правовых порядков

Ряд государств постсоветского пространства, имея аналогичные правовые установления на старте, впоследствии укрепили роль принципа добросо-

вестности в законодательстве, что активизировало его использование в правоприменительной практике. Показательной в данном контексте является

^{7*} О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь : проект закона Респ. Беларусь (2018) [Электронный ресурс]. П. 125–127, 131. URL: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

^{8*} Функ Я. И., Чигилейчик-Функ А. Я. Реализация «принципа эстоппель» в праве Беларуси (о новых возможностях для защиты интересов физлиц и юрлиц, в том числе в суде, через «применение норм морали» в рамках правовой системы Беларуси) [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/eoslx> (дата обращения: 26.01.2023).

реализация Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, утвержденной 7 октября 2009 г. (далее – Концепция), в ходе которой с 1 марта 2013 г. в качестве одного из наиболее общих принципов гражданского права в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации введен принцип добросовестности, в общей части обязательственного права закреплена позитивная обязанность действовать добросовестно^{9*}, закрепление получил институт преддоговорной ответственности по принципу *culpa in contrahendo*, а также были существенно модифицированы многие нормы о недействительности сделок, в том числе с учетом развития принципа добросовестности. Примерами в данном контексте выступают нормы о запрете противоречивого поведения при «конвалидации» недействительной сделки (ч. 4 п. 2 ст. 166), в случае ссылки на недействительность (п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1) и незаключенность (п. 3 ст. 432) договора либо отказа от его исполнения (п. 5 ст. 450.1). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что суды стали обращаться к принципу объективной добросовестности до вступления в силу изменений, внесенных в Гражданский кодекс Российской Федерации, ориентируясь на опубликованную в 2009 г. Концепцию, которая не является нормативным правовым актом [4, с. 28–29].

В Гражданском кодексе Украины справедливость, добросовестность и разумность закреплены в ст. 3 в числе общих начал законодательства. Н. С. Кузнецова отмечала, что данный подход, несмотря на «натиск и нападки» тех, кто выступал за максимальное избавление гражданского кодекса от оценочных категорий, был глубоко продуман разработчиками проекта данного кодифицированного акта, и если на первых этапах работы принцип добросовестности рассматривался исключительно как институциональный принцип обязательственного права, то в последующем он трансформировался в общеправовой принцип гражданского права [5, с. 225]. Место принципа добросовестности в обязательственном праве подчеркивается в п. 3 ст. 509 Гражданского кодекса Украины упоминанием о том, что обязательство должно основываться на принципах добросовестности, разумности и справедливости, и развивается в договорном праве.

Гражданский кодекс Республики Молдова закрепил не только универсальное правило о том, что физические и юридические лица, участвующие в гражданских правоотношениях, должны осуществлять свои права и исполнять обязанности добросовестно, в соответствии с законом, договором, основами правопорядка и нравственности (ст. 10), но и само поня-

тие «добросовестность» в формулировке, созвучной с предложенной Модельными правилами европейского частного права (*Draft common frame of reference*, далее – DCFR). В силу ст. 11 Гражданского кодекса Республики Молдова добросовестность означает стандарт поведения стороны, характеризующийся правильностью, честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны соответствующего правоотношения. А поведением, противоречащим добросовестности, является, в частности, поведение стороны, не соответствующее ее предшествующим заявлениям или поведению в случае, когда другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них. Кроме того, в ст. 14 дополнительно указывается на запрет ссылаться в обоснование своей претензии на незаконное или недобросовестное деяние, совершенное лицом либо с его участием, и извлекать выгоду из своего незаконного или недобросовестного поведения. При этом специальных норм, относящихся к заявлениям о недействительности сделок либо незаключенности договора со ссылкой на (не)добросовестность, в Гражданском кодексе Республики Молдова нет.

В Гражданском кодексе Республики Казахстан нормы о принципе и презумпции добросовестности объединены. Согласно п. 4 ст. 8 граждане и юридические лица должны действовать при осуществлении своих прав добросовестно, разумно и справедливо, соблюдая содержащиеся в законодательстве требования, нравственные принципы общества, предпринимателям необходимо придерживаться правил деловой этики. Эта обязанность не может быть исключена или ограничена договором. Добросовестность, разумность и справедливость действий участников гражданских правоотношений предполагаются. Запрет на недобросовестное поведение вытекает из положений кодекса, в силу которых не допускаются действия граждан и юридических лиц, направленные на причинение вреда другому лицу, злоупотребление правом в иных формах, а также на осуществление права в противоречии с его назначением (п. 5 ст. 8), никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения (п. 6 ст. 8), суд вправе отказать лицу в защите принадлежащего ему права в случае несоблюдения требований добросовестности (п. 7 ст. 8). Несмотря на критическое отношение доктрины к отсутствию категории добросовестности в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Казахстан в ряду общих начал гражданского законодательства, добросовестность рассматривается в качестве одного из принципов гражданского права^{10*}.

^{9*} Согласно п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию».

^{10*} Сулейменов М. К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31637150&pos=33;-43#pos=33;-43 (дата обращения: 17.01.2023).

Обращаясь к подходам государств, в которых принцип добросовестности применяется более длительное время, нельзя обойти вниманием немецкое частное право, где, как известно, принцип добросовестности (*Treu und Glauben*) получил максимально глубокую и комплексную разработку. Удачный опыт Германии стал примером не только для других национальных правовых порядков, но и для создания международных унифицированных документов.

Норма о добросовестности, которая со временем приобрела мировую известность как общий принцип не только договорного, но и всего частного права, сформулирована в кн. 2 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) применительно к обязательственным отношениям. В силу параграфа 242 ГГУ должник обязан исполнить обязательство добросовестно с учетом обычаев гражданского оборота^{11*}.

Немецкие суды стали непосредственно применять данное правило не только для пресечения недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств, но и в случаях, не связанных с их исполнением. Со временем правило добросовестности в сфере обязательственных правоотношений под воздействием судебной практики ввиду «пробельности» ГГУ стало по аналогии применяться к вещным правоотношениям, а также к сфере преддоговорной ответственности^{12*}.

В Германии норма параграфа 242 ГГУ послужила отправной точкой для развития бесчисленных новых правовых доктрин и модификации уже имеющих во избежание несправедливых практических результатов в судебных спорах. Ее называли «волшебной палочкой» для предотвращения любого затруднения в мире частного права (Б. Гойзингер). В 1961 г. детальное описание применения данного простого правила достигло такой степени сложности, что информация, набранная мелким шрифтом, заняла в комментарии к ГГУ Ю. фон Штаудингера целый том объемом более 1400 страниц [4, с. 24].

Принцип добросовестности не стал широко востребованным инструментом в судебной практике Франции. И это несмотря на то, что Гражданский кодекс Франции содержит не только близкую по содержанию параграфа 242 ГГУ норму в ст. 1134, устанавливающую, что «соглашения должны быть выполнены добросовестно», но и ряд специальных положений,

развивающих принцип добросовестности участников гражданских правоотношений^{13*}. Развитие права во Франции без малого двести лет шло своим путем, игнорируя положение закона о добросовестном исполнении договоров и не используя его как стимул развивать право в соответствии с выявленными нуждами своего времени [6, с. 222].

Не основанное на кодифицированном законодательстве английское договорное право вообще не содержит четко сформулированных норм о принципе добросовестности. Более того, в английской правоприменительной практике устоялась позиция, что общего правового принципа добросовестности в английском договорном праве не существует. Его отсутствие выдается за преимущество, поскольку обеспечивает большую степень правовой определенности [7, с. 209]. Английские суды применяют положения о добросовестности к договорам, если они прямо закреплены в данном документе и касаются фактического исполнения определенного обязательства (пункта договора). Как пример можно привести толкование судом условия договора, согласно которому стороны приняли на себя обязательство «работать совместно и добросовестно в духе доверия, справедливости и взаимного сотрудничества в интересах реализации проекта в рамках их согласованных ролей, опыта и обязанностей, указанных в документах о партнерстве»^{14*}. В ходе рассмотрения спора о расторжении договора суд постановил, что положение о добросовестности не имеет силы при расторжении договора, обязательство действовать добросовестно распространяется на те условия договора, в которых оно прямо указано.

Именно от четкости формулировки условия договора зависит, в какой мере положения о добросовестности находят поддержку в суде [7, с. 213]. Этим объясняется включение в договор уточнений о том, что «во всех вопросах, связанных с настоящим соглашением, стороны будут действовать с максимальной добросовестностью по отношению друг к другу, разумно и осмотрительно»^{15*}, или о том, что «стороны должны действовать в высшей степени добросовестно по отношению друг к другу в вопросах, изложенных в настоящем документе»^{16*}.

В связи с тем, что английскому договорному праву «чужд» принцип добросовестности, судебной

^{11*} Der Schuldner ist verpflichtet, die Leistung so zu bewirken, wie Treu und Glauben mit Rücksicht auf die Verkehrssitte es erfordern [Electronic resource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_242.html (Datum des Zugriffs: 17.01.2023).

^{12*} Venire contra factum proprium: от связанности прошлым к связанности будущим // Правоведение. 2020. Т. 64, № 2. С. 285–286, 289, 281.

^{13*} Например, ст. 1147 Гражданского Кодекса Франции связывает возникновение права на возмещение убытков вследствие неисполнения обязательства с недобросовестностью стороны, не исполнившей обязательство, а согласно ст. 1378 данного кодекса возможность взыскания неосновательного обогащения зависит от недобросовестности его получателя.

^{14*} TSG Building Services plc v. South Anglia Housing Limited [Electronic resource]. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/TCC/2013/1151.html> (date of access: 17.01.2023).

^{15*} Berkeley Community Villages Ltd v. F. Pullen [Electronic resource]. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2007/1330.html> (date of access: 17.01.2023).

^{16*} CPC Group Limited v. Qatari Diar Real Estate Investment Company [Electronic resource]. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2010/1535.html> (date of access: 17.01.2023).

практикой в качестве альтернативы было выработано правило эстоппеля (*estoppel*, от англ. *estop* – лишать права выдвигать возражения). Под эстоппелем понимается запрет поведения, противоречащего предшествующему (заявления, утверждения, обещания, фактическое поведение и даже бездействие), в тех случаях, когда такое поведение не связывает сторону и не принуждает к последовательности в силу сделочного или иного формально-правового эффекта, но предшествующее поведение сформировало у другой стороны доверие и разумные ожидания, и их подрыв в результате непоследовательности приведет к явной несправедливости^{17*}.

В основе эстоппеля лежит ценностная установка, в соответствии с которой ни одна из сторон гражданского правоотношения не должна извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения. В случае если участники гражданского правоотношения действуют в противоречии с доброй совестью, они утрачивают право ссылаться на юридически значимые обстоятельства в суде для обоснования своих

требований или возражений. В связи с этим правило эстоппеля направлено на пресечение действий стороны, создающих явную несправедливость, противоречащих ее предшествующему поведению, которое вызвало у другой стороны разумные ожидания (доверие), что какое-либо право либо действие не будет осуществлено.

На данный момент эстоппель рассматривается английским правом в качестве материального и процессуального правила [8, с. 143], что вполне соответствует духу правовых традиций системы общего права, в которой не распространено деление отраслей на процессуальные и материальные. Широкая востребованность данного института привела к выделению некоторых групп и видов эстоппелей: вещного, обязательственного, преюдициального, доказательственного эстоппелей, эстоппеля в силу соглашения о фактах, эстоппеля молчаливого согласия, эстоппеля в силу заверения об обстоятельствах, эстоппеля в силу документа и др. [9, с. 84; 10, с. 138–139].

Международное контрактное право

Принцип добросовестности развивался и в международном контрактном праве. На данный момент правовые основы для обращения к принципу добросовестности содержатся как в широко признанных международных договорах (например, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция)), так и в частноправовых унификациях (например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. (далее – Принципы УНИДРУА), Принципы европейского договорного права 1999–2002 гг. (далее – ПЕДП), DCFR). При этом подходы к его закреплению также разнятся.

Принципы УНИДРУА прямо устанавливают обязанность сторон действовать «в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле» (п. 1 ст. 1.7), закрепляют запрет несовместимого поведения (ст. 1.8). Также в документе содержатся более 30 специальных положений, прямо или косвенно устанавливающих применение принципа добросовестности и честной деловой практики в отношениях между сторонами договора, в том числе о запрете непоследовательного поведения в отношении отзыва оферты (подп. b п. 2 ст. 2.1.4), изменения договора в особой форме (ст. 2.1.18), недействительности договора (ст. 3.1.3, 3.2.9, 3.2.10, 3.2.12), прекращения договора (п. 2 ст. 7.3.2) и возмещения убытков (ст. 7.4.4 и 7.4.8). Комментаторы считают добросовестность и честную деловую прак-

тику фундаментальной идеей, лежащей в основе Принципов УНИДРУА, подчеркивая, что «даже при отсутствии в принципах специальных норм поведение сторон на протяжении всего существования договора, включая также процесс проведения переговоров, должно соответствовать добросовестности и честной деловой практике»^{18*}. Фундаментальность принципа обеспечивается и тем, что в силу прямого запрета, установленного в п. 2 ст. 1.7, стороны не могут в своем договоре ограничить или исключить обязанность действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле.

Статья 1:106 ПЕДП, которые, как и Принципы УНИДРУА, регулируют только договорные отношения, говорит о необходимости поощрения добросовестности, а ст. 1:201 обязывает контрагентов действовать добросовестно в их договорных отношениях. ПЕДП аналогично Принципам УНИДРУА устанавливает запрет на непоследовательное поведение под угрозой лишения права ссылки на юридически значимые обстоятельства в отношении изменения договора только в письменной форме (ст. 2:106), отзыва оферты (ст. 2:202), недействительности (ст. 4:113, 4:114) и расторжения (ст. 9:303) договора.

В DCFR, которые не ограничиваются договорным правом, определения понятий «добросовестность» и «честная деловая практика» (ст. I.–1:103), а также указание на необходимость обеспечить стандарт

^{17*} Каранетов А. Г., Федоров Д. В. Извлечение из готовящейся к публикации 5 тома серии комментариев к гражданскому законодательству [Электронный ресурс]. С. 1. URL: <https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/10/tezisy-k-kruglomu-stolu-po-estoppelyu-d.-fedorov-a.-karapetov.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).

^{18*} Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. А. С. Комарова. М. : Статут, 2013. С. 19.

добросовестного поведения при толковании и применении всех норм DCFR (п. 3b ст. I.–1:102) включены в кн. I «Общие положения». Это позволяет сделать вывод о придании принципу добросовестности новейшей частно-правовой кодификацией частного права универсального характера. Вместе с тем доктрина добросовестности уточняется и конкретизируется в DCFR применительно к отдельным институтам частного права. Для обязательственных правоотношений ст. III.–1:103 устанавливает, что при исполнении обязанностей, осуществлении права на исполнение, использовании мер защиты от нарушения и возражений против таких мер защиты либо при осуществлении права на прекращение обязанности или договорных отношений все лица должны действовать в соответствии с требованиями добросовестности и честной деловой практикой. В силу п. 3 указанной статьи нарушение этой обязанности может не дать нарушителю реализовать свое право, а также лишить нарушителя возможности полагаться на свое право и использовать меру защиты или возражение, которые были доступны такому лицу в отсутствие нарушения.

Особый интерес представляет обращение к принципу добросовестности при рассмотрении споров из договоров международной купли-продажи товаров, регулируемых Венской конвенцией. Ни в доктрине, ни в судебной и арбитражной практике не оспаривается то обстоятельство, что принцип добросовестности в поведении и отношениях сторон друг с другом относится к категории принципов, на которых основана Венская конвенция, и, соответственно, в силу ст. 7 Венской конвенции он выступает в качестве источника, регулирующего отношения сторон, при недостаточности ее норм. Например, Высший земельный суд Гамбурга, основываясь на принципе добросовестности, постановил, что в случае, если продавец отказывается выполнять свои обязательства по поставке, покупатель не обязан в прямой форме заявлять о расторжении договора. Суд постановил, что настаивать на подобном заявлении в прямой форме – нарушение принципа добросовестности^{19*}.

Существует мнение, что принцип добросовестности вытекает из нормы п. 1 ст. 7 Венской конвенции,

согласно которому при ее толковании необходимо «содействовать... соблюдению добросовестности в международной торговле». Хотя из данной нормы прямо не следует обязанность для сторон действовать добросовестно, многие авторы исходят из того, что соответствующий принцип распространяется и на стороны договора [11, р. 126–127]. Основой для таких выводов служит практика зарубежных судов и арбитражей^{20*}, которые на основании п. 1 ст. 7 Венской конвенции лишали недобросовестную сторону права на возражения, тем самым применяя правило эстоппеля, выступающее производным принципа добросовестности. Непосредственно на правило добросовестности в контексте ст. 7 Венской конвенции также ссылался в своем решении по делу № 302/1996 от 27 июля 1999 г. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации^{21*}.

Иная позиция заключается в том, что основой для принципа добросовестности в отношениях между сторонами договора выступает не п. 1 ст. 7 Венской конвенции, а положения, позволяющие выявить этот принцип из всей совокупности ее норм, упоминающих разумное поведение, разумный срок времени (п. 1 ст. 39), разумную уверенность (подп. b п. 2 ст. 16), разумных лиц, действующих в том же качестве, что и другая сторона (п. 1, 2 ст. 8), и т. д. Как выражение принципа добросовестности в Венской конвенции рассматриваются также нормы, отражающие запрет на противоречивое поведение при отзыве оферты (подп. b п. 2 ст. 16), нормы об изменении или прекращении договора (п. 2 ст. 29), использовании средств правовой защиты при несоответствии товара договору (п. 1 ст. 39), возмещении убытков (ст. 74, 77) и др.

Аналогичная отсылка к добросовестности использована в ст. 5 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, принятой резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи ООН от 23 ноября 2005 г., что свидетельствует об одобрении и принятии сформировавшихся на основе Венской конвенции подходов к обращению к принципу добросовестности.

Заключение

Обобщение изученных подходов к закреплению и применению принципа добросовестности позволяет сделать вывод о том, что данный принцип является неотъемлемой частью договорного права. Вместе с тем его становление и развитие в национальном праве того или иного правового порядка происходит

в исторически уникальной экономической, социальной и политической среде. Сравнительно-правовой анализ выявил существенные различия в моделях закрепления принципа добросовестности, среди которых можно выделить общегражданский принцип, принцип обязательственного или договорного

^{19*} CLOUT case 277 [Electronic resource]. URL: https://www.uncitral.org/clout/clout/data/deu/clout_case_277_leg-1500.html (date of access: 17.01.2023).

^{20*} ППТЮ. Дело № 230 // ЮНСИТРАЛ : сб. по прецедент. праву, касающемуся конвенции Орг. Объед. Наций о междунар. купле-продаже товаров. Нью-Йорк : ООН, 2016. С. 29; ППТЮ. Дело № 93 и дело № 94 // Там же. С. 35.

^{21*} Розенберг М. Г. Практика международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. М. : Статут, 2002. С. 141–144.

права, специальные нормы в рамках отдельных институтов договорного права, отсутствие закрепления в писаном источнике. При этом практика не демонстрирует прямую причинно-следственную связь между способом нормативного закрепления и той ролью, которую добросовестность играет в правоприменительной практике. Как показывает опыт Германии и практика по спорам с применением международного контрактного права, максимальный эффект для развития принципа добросовестности имеет судебный активизм. Этот вывод подтверждает подход, используемый в Великобритании, где в отсутствие писаного договорного права принцип добросовестности находит свое выражение в активном использовании концепции эстоппеля.

Представляется, что в условиях белорусских правовых традиций инициативы законодателя по нормативному закреплению позитивной обязанности участников преддоговорных и договорных отношений действовать в соответствии с доброй совестью, как и введение специальных норм, ограничивающих право оспаривать договоры, когда это противоречит принципу добросовестности и разумности, имеют больший потенциал стать импульсом для более частого обращения к категории добросовестности в правоприменительной практике, чем корректировка нормы в ст. 2 ГК. В любом случае после принятия проекта ГК определяющую роль в дальнейшем развитии принципа добросовестности будет иметь судебная практика.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко НЛ. Принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2006;2:145–149.
2. Вышемирский ИО. Соотношение принципа презумпции добросовестности в гражданском праве. *Устойчивое развитие науки и образования*. 2019;1:134–141.
3. Каравай АВ, Лаевская ЕВ, Мороз ВП, Романенко ВА, Романович АН, Салей ЕА и др. *Гражданское право. Том 1*. Чигир ВФ, редактор. Минск: Амалфея; 2008. 864 с.
4. Бевзенко РС, Егоров АВ. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон. В: Сарбаш СВ, составитель. *О договорах. Сборник статей к юбилею В. В. Витрянского*. Москва: Статут; 2017. с. 19–60.
5. Кузнецова НС. Гражданское законодательство Украины: проблемы и перспективы совершенствования. В: Витрянский ВВ, Суханов ЕА, редакторы. *Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского*. Москва: Статут; 2010. с. 223–232.
6. Ширвиндт АМ. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение. В: Ширвиндт АМ, редактор. *Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева*. Москва: Статут; 2014. с. 203–242.
7. Аракелян АА. Добросовестность в английском договорном праве (анализ прецедентов Верховного суда Англии и Уэльса). *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(5):207–213. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.207-213.
8. Парфёнова ОА. Применение эстоппеля в праве англосаксонской правовой семьи. Часть 1. *Аграрное и земельное право*. 2022;2:143–147. DOI: 10.47643/1815-1329-2022-2-143.
9. Ракин ДА. Классификация эстоппелей: зарубежный и отечественный опыт. В: Гуляев ГЮ, редактор. *Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXV Международной научно-практической конференции; 20 декабря 2019 г.; Пенза, Россия*. Пенза: Наука и просвещение; 2019. с. 83–85.
10. Муравьёва АМ. Механизм заимствования института «эстоппель» в российской правовой системе. *Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества*. 2020;19:136–141.
11. Schlechtriem P, Schwenger I. *Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG)*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 1702 p.

References

1. Bondarenko NL. [Principle of good faith and reasonableness of participants in civil legal relations]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2006;2:145–149. Russian.
2. Vyshemirsky IO. Correlation between good faith as a principle of law and presumption. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*. 2019;1:134–141. Russian.
3. Karavai AV, Laevskaya EV, Moroz VP, Romanenko VA, Romanovich AN, Saley EA, et al. *Grazhdanskoe pravo. Tom 1* [Civil law. Volume 1]. Chigir VF, editor. Minsk: Amalfeya; 2008. 864 p. Russian.
4. Bevenko RS, Egorov AV. [Adjustment of contract to change of circumstances and good faith behaviour principle]. In: Sarbash SV, compiler. *O dogovorakh: sbornik statei k yubileyu V. V. Vitryanskogo* [On contracts: a collection of articles for the anniversary of V. V. Vitryanskii]. Moscow: Statut; 2017. p. 19–60. Russian.
5. Kuznetsova NS. [Civil legislation of Ukraine: problems and prospects for improvement]. In: Vitryanskii VV, Sukhanov EA, editors. *Osnovnye problemy chastnogo prava. Sbornik statei k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Aleksandra Lvovicha Makovskogo* [Main problems of private law. Collection of articles for the anniversary of doctor of science (law), full professor Alexander Lvovich Makovskii]. Moscow: Statut; 2010. p. 223–232. Russian.
6. Shirvindt AM. [The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation and comparative law]. In: Shirvindt AM, editor. *Aequum ius. Ot druzei i kolleg k 50-letiyu professora D. V. Dozhdeva* [Aequum ius. From friends and colleagues to the 50th anniversary of professor D. V. Dozhdev]. Moscow: Statut; 2014. p. 203–242. Russian.
7. Arakelyan AA. Good faith in English contract law (analysis of the precedents of the Supreme Court of England and Wales). *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(5):207–213. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.207-213.
8. Parfenova OA. Application of estoppel in the law of the Anglo-Saxon legal family. Part 1. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2022;2:143–147. Russian. DOI: 10.47643/1815-1329-2022-2-143.

9. Rakin DA. [Classification of estoppels: foreign and domestic experience]. In: Gulyaev GYu, editor. *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XXV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20 dekabrya 2019 g.; Penza, Rossiya* [Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the 25th International scientific and practical conference; 2019 December 20; Penza, Russia]. Penza: Nauka i obrazovanie; 2019. p. 83–85. Russian.

10. Murav'eva AM. Borrowing mechanism of the institute «Estoppel» into the Russian law. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoj sistemy obshchestva*. 2020;19:136–141. Russian.

11. Schlechtriem P, Schwenger I. *Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG)*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 1702 p.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2023.
Received by editorial board 01.02.2023.